

ПОД ЛЕТНЮЮ съемочную базу в 1917 г. в Яте был куплен участок на Аутской ул., 26, с прекрасным декоративным садом и соответствующим домом.

Я решил для выполнения этой задачи поехать лично и привлечь наиболее опытных сотрудников. К моей великой радости, выразил желание ехать со мной и реж. Бауэр, всегда необыкновенно отзывчивый на все новое.

Он в это время заканчивал в Москве постановку в декорациях большой, предназначенной к открытию след. сезона 17/18 года картины «Король Парижа» (по роману Жоржа Оне, того же названия) с участием в главных ролях артистов Кореневой, Эммы Бауэр (его жены), Радина, Свободы и Стальского и решил ряд сцен, не снятых еще в павильоне, вынести на крымскую природу.

Таким образом, к нам в дорогу присоединился ряд участников в этой картине, и мы все большой веселой кинемеей в конце мая тронулись в Крым (...)

Под вечер прибыли в Симферополь и там, разместившись на двух автомобилях, тронулись в Яту; было так жарко, как в Москве бывает только в июльский полдень. Когда мы спустились с Чатырдагского перевала, начало темнеть, а рядом в Алуште было уже так темно, что море, с гулом катившее свои валы к шоссе, по которому мы ехали, было совершенно невидимо.

Здесь решено было сделать небольшую остановку, чтобы передохнуть и закупить с дороги. И мы все вышли (впрочем, кроме меня, вынесенного на руках вследствие моего обострившегося ревматизма) в ярко освещенный придорожный ресторан. Там мы веселой компанией расселись за несколь-

СМЕРТЬ БАУЭРА

Неопубликованная рукопись - 1936. - 29 мая. - С. 7
Из неопубликованных черновиков рукописи «Первые годы русской кинематографии»

кими, составленными вместе столами и заказали себе ужин.

Сидевший рядом со мной Бауэр вспомнил, что шоферам нашим тоже следует покушать, и вышел из ресторана, чтобы сделать соответствующие распоряжения. Когда на стол подали заказанное, жена Бауэра обратила внимание, что ее мужа долго нет, и пошла позвать его. Все мы с большим аппетитом принялись за кушанья, делясь своими дорожными впечатлениями.

Друг у входа в ресторан раздался ужасный крик Эммы Васильевны (так звали жену Бауэра): «Мой Геня совсем убила! Там... Там...» (она плохотво говорила по-русски). Мы все как один повернули головы к входной двери, около которой, опершись на стену, стояла потрясенная горем женщина.

Все вскочили из-за стола и побежали на улицу, а я один, «прикованный к месту», среди остывающих блюд и опрокинутых стульев, старался осмыслить, что все это могло значить?.. Через некоторое время вбежала племянница Эммы Васильевны, девочка лет десяти Эммочка, совсем плохо говорившая по-русски. Она прерывающимся голосом, сквозь слезы, начала мне рассказывать.

Я лишь понял, что ее дядя лежит еще живой, т.к. сильно стонет на камнях около моря, и что там все около него. Я мучительно старался понять, что случилось. Наконец пришел кто-то из взрослых и мне все стало ясно: Бауэр, возвращаясь в ресторан, в темноте оступился на не огороженном перилами тротуаре и упал здесь недалеко на прибрежные камни, причем, видимо, получил какой-то тяже-

лый перелом, т.к. не может сдвинуться с места. Вот, пока и все...

На наше счастье скоро найден был хирург, который вместе с фельдшерами из местной лечебницы оказал первую помощь пострадавшему. У Бауэра оказался двойной сложный перелом бедренной кости на ноге, и он, забинтованный в лубки, этой же ночью вместе с семьей на специальном автомобиле был доставлен в Яту.

На следующее утро я навестил его в гостинице Джалитта, где ему была отведена комната в нижнем этаже с окнами, выходящими в сад. Я застал его, к моему удивлению, с «Королем Парижа» в руках, в состоянии гораздо лучше, чем предполагалось. Этот жизнерадостный человек уже толковал о предстоящих съемках, которые он под свою личную ответственность хочет поручить своему артистическому коллективу во главе с Эммой Бауэр, которая его с полуслова понимает...

Желание его было осуществлено: через несколько дней, после ряда репетиций в комнате Бауэра уже была назначена съемка возле Массандровского дворца.

В одну из наших бесед Бауэр особенно развеселился, он подшучивал над своим положением и Алуштой, когда, очнувшись после падения, никак не мог понять, почему одна из его ног сложилась как гармошка или, вернее, как перочинный ножик, и своим носком хотел достать нос...

Далее он расхохотался от предположения, что любой маленький воришка, если бы знал истинное положение вещей, то мог бы сейчас, днем, в присутствии нас двоих, на вид здорových мужчин, забрать из этой комнаты все цен-

ное, не встретив с нашей стороны ни малейшего противодействия!.. Словом, Бауэр заметил поправлялся и все как будто налаживалось. Консилиум ялтинских хирургов определил, что через 6—8 недель кости должны срастись и большой поднимется на костыли.

Успокоенный всем этим, я тоже решил использовать самое жаркое время Крыма для грязелечения и выехал с этой целью в Сочи. Вести из Яты все время были утешительного характера вообще и относительно здоровья Бауэра в особенности. Затем последовал некоторый перерыв в сообщениях, а затем 10 июля срочная телеграмма такого содержания:

«Вчера Евгений Францевич от воспаления легких тихо скончался».

Я не берусь описать моего состояния, вызванного этой неожиданной и такой ужасной вестью. Уже возвратясь в Яту, я узнал, что почти выздоровевший Бауэр вдруг начал температурить. Доктора определили крупозное воспаление легких, а через несколько дней последовала и смерть, т.к. ослабленное сердце не выдержало...

Бауэр был похоронен на Ялтинском кладбище. При спуске гроба в могилу рыдали не только женщины, но и многие из мужчин. Бауэр умер в расцвете своих творческих сил, на 53-м году от рождения, и в лице покойного русская кинематография и талантливый театр потеряли одного из талантливейших своих работников.

Фрагмент рукописи А.А. Ханжонкова найден и любезно предоставлен нам историком кино В.П. Михайловым (РГАЛИ, ф.987, оп.1, ед.18).